

**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ИМЭДЖИНОЛОГИИ:
КСЕНОФОБИЯ В АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В XVI–XVIII ВЕКАХ**

Исследуется проблема ксенофобии в англо-русских отношениях, зародившаяся во время правления Ивана Грозного, когда были установлены дипломатические и экономические связи между Англией и Россией. Ксенофобия в России явилась своеобразной реакцией общества на процесс «вестернизации» политической элиты, продолжавшейся на протяжении веков по мере укрепления контактов с западноевропейскими странами. В Англии ксенофобские настроения в отношении России и русских взращивались и подогревались искусственно, являясь составляющей внешней политики британского правительства.

Англия, англо-русские отношения XVI–XVIII веков, западничество, ксенофобия, общество, власть, Россия.

Исследователи межкультурных коммуникаций нередко обращают внимание на проблему различий «своих» и «чужих». «Основной, определяющий стереотип в отношении одного народа к другому, – подчеркивает С.В. Оболенская, – различие «своих» и «чужих», свойственное человеку с глубокой древности и проявляющееся, прежде всего, в отталкивании всего «чужого» как неприемлемого. С ним связаны самые общие представления о действительных или мнимых национальных чертах»¹. Аналогичного взгляда придерживался советский историк, один из первых в отечественной науке обратившийся к изучению имэджинологии, Н.А. Ерофеев. Он отмечал, что интерес к чужим народам, стремление понять и объяснить особенности их быта и жизни восходят к самым древним временам. «Этот интерес мы наблюдаем в наше время у всех, даже у самых отсталых народов. Правда, в силу их относительной изоляции от внешнего мира знание ими этого мира крайне ограничено, а образы других народов не дифференцированы: все они просто «чужие». Отношение к этим чужим окрашивается твердым убеждением в превосходстве всего своего над чужим»².

Тот факт, что «чужой» нередко превращается в образ «врага», отмечал С.В. Чугров. «Сознание человека, давая первичную оценку различным явлениям, сразу же разделяет их на знакомое и незнакомое, разбрасывая в противоположные стороны, подобно костяшкам на счетах, – отмечал ученый. – Поскольку человек опирается, прежде всего, на личный опыт, знакомое классифицируется

¹ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М. : Наука, 2000. С. 6.

² Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. М. : Наука, 1982. С. 10.

обычно как свое, а незнакомое – как чужое. Первое, как правило, воспринимается позитивно, а второе – порой враждебно. Таким образом, свои национальные или идеологические атрибуты оцениваются со знаком плюс, а все чужое, выходящее за круг привычного, становится топливом для «образа врага»³.

Наиболее подробно на проблеме превращения образа «чужого» в образ «врага» остановился Л.З. Копелев в статье с характерным названием «Чужие». «Образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования», – писал он⁴. Ученый обращал внимание на тот факт, что отрицательные суждения о других народах были известны еще с древности. В качестве примера он ссылаясь на словарь Цедлера (1731–1754), где одна из статей посвящена «национальной ненависти», которая издавна была свойственна нациям. «Уже в самых ранних человеческих общностях образ чужого превращался в образ врага», – отмечал ученый⁵. Он также подчеркивал устойчивость и опасность подобного стереотипа: «Унаследованные из древности инстинкты недоверия к чужим – к иностранцам, инородцам, иноверцам – рождают слепую ненависть, создают уродливые личины “исконных врагов”». Л.З. Копелев обратил внимание на тот факт, что образ врага порой формируется не только из коллективного исторического, но часто и из личного опыта. Все это ведет к искаженным представлениям о другом народе, которые превращаются в образы врага. «Такое «образотворчество» было всегда вредно», – заключал ученый⁶.

Присутствие негативного начала в стереотипах подтверждается, на наш взгляд, наличием различного рода фобий в межкультурных коммуникациях. К примеру, укрепление позиций английского торгового и промышленного капитала при одновременном ущемлении национального капитала, усилившееся в правление Ивана Грозного, привело к зарождению ксенофобии в русском обществе уже в XVI веке. В ту пору в Московском государстве, как утверждал С. Платонов, произошел «массовый наплыв западноевропейцев». Поначалу среди них появились англичане, затем голландцы – в мурманских гаванях, на Северной Двине, в Нарве, Новгороде, на всем пути от Холмогор до Москвы; немцы из Ливонии, «рассеянные по всему государству, жившие целыми общинами со своими пасторами и молитвенными домами»; немцы-купцы из Германии и пр., и пр. «Очевидно, что значение иностранцев в Москве за время Грозного выросло настолько, – подчеркивал Платонов, – что стало вопросом дня для москвичей и давало им повод обвинять царя в отпадении от старого обычая в сторону ново-явленной иноземщины»⁷. Особенно возмущали русских людей неофициальные формы обращения царя с иностранцами. Грозный находился в постоянном общении с иноземцами и часто «показывал к ним расположение и ласку», которая

³ Чутров С.В. Россия и Запад. Метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993. С. 12–13.

⁴ Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. М. : Наука, 1993. С. 12.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 25, 27.

порой, по мнению русских людей, «переходила всякую меру». Москвичи, по утверждению Платонова, «удивлялись и негодовали по поводу той близости, какую допускал государь в своем знакомстве с «варварами».

Еще больше удивляло православных жителей Московского государства свободное обсуждение царя с иностранцами религиозных тем. Среди москвичей ходили слухи о том, что царь любит вести беседы с ливонскими пленными о различиях между православием и католичеством и даже подумывает о соединении церквей. Рассказывали, будто бы пастор из Дерпта Иоганн Веттерман был приглашен в личную библиотеку Грозного с целью ознакомления с теологическими трудами. Если судить по перечню книг библиотеки Грозного, то трудов теологического содержания в ней, действительно, было немало: сочинения пасторов лютеранской и католической церквей, а также английских авторов, излагавших учение англиканской церкви⁸. Наконец, царь разрешил отправление протестантского богослужения и дозволил строительство кирхи для иноверцев. Правда, иногда Грозный выходил за рамки религиозного диспута. Как-то в беседе с царем некий пастор сравнил Мартина Лютера с апостолом Павлом, за что получил удар посохом по голове и пожелание «убираться к черту со своим Лютером!». Однако подобные случаи были скорее исключением, чем правилом. Чаще всего царь относился к иноверцам довольно терпимо.

Между тем в народном сознании религиозный вопрос оставался господствующим. Охрана своей религии от посягательств иноверцев, по утверждению Д. Цветаева, выдвигалась на первый план в отношениях с ними. Русские люди называли протестантов «люторами» и «немцами», а католиков – «папешниками», «римлянами» и «латинами»⁹. По существующим российским законам протестанты не имели права вести с православными беседы о вере, посещать их храмы, нанимать в услужение к себе русскую прислугу. Иностранцев обязывали носить национального покроя платье и селиться в отведенных властями местах за городской чертой. Вступать в брак с «неверными» считалось крайне опасным для чистоты православной веры, а потому подобные браки дозволялись лишь при обращении иноверца в православие. Нередко, сетовали иностранцы, местные жители относились к ним, «как к собакам или змеям», не подавали руки, дабы избежать прикосновения иноверцев. Однажды англичане зашли в церковь в одном из северорусских монастырей. На стенах храма они увидели росписи с картинами Страшного суда, где праведники были изображены в русском платье, а грешники – в заморском. Само появление иностранцев в церкви вызвало бурю негодования среди прихожан¹⁰. Естественно, что на фоне подобного нетерпимого отношения к иноверцам со стороны русского народа покровительство

⁸ Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982. С. 54–55.

⁹ Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 2–4.

¹⁰ Любименко И. Англичане в допетровской России // Русская мысль. М.; Пг., 1915. Кн. 3. С. 76.

царя к иностранцам вообще, и к англичанам в особенности, не могло не вызвать широкого недовольства в российском обществе.

В XVII веке ксенофобия в русском обществе сделалась еще более ощутимой. После того как московская торговля окончательно попала в руки иностранного капитала, в первую очередь английского, и иностранные предприниматели намеревались захватить в свое пользование также обработку сырья на местах, русское купечество стало жаловаться на те привилегии и льготы, которыми пользовались в России купцы из Англии и Голландии. Челобитные грамоты о злоупотреблениях «немцев» подавались неоднократно: в 1627, 1642, 1646, 1648 годах. Хотя правительство в ответ на это и принимало отдельные меры, ограничивавшие подобные злоупотребления, однако «не пускать иноземных купцов внутрь страны» отказывалось. Против иноземцев ополчились также служилые люди и духовенство. В 1648–1649 годах возникло движение против засилья «немецких» командиров. Патриарх Никон потребовал, чтобы иностранцы не носили русское платье. Его предшественник патриарх Иосиф добивался изгнания из Москвы иностранных купцов и офицеров, а также наложил запрет на браки с иностранцами. Некоторые иностранные путешественники считали подозрительное к себе отношение отличительной чертой русских людей, объясняя это тем, что Россия на протяжении веков находилась в состоянии относительной изоляции. «Ксенофобия проявлялась постоянно и резко, – отмечал Д.Г. Федосов, – в бегстве крестьян при виде иноземцев даже на оживленных приграничных дорогах, в выселении московских немцев в особую «резервацию» за пределы города, в насилиях и оскорбительных выходках над ними... Патриарх наставлял царей, дабы запретили в полках и во всем государстве «проклятым еретикам» быть начальниками», чтоб иноверцам-еретикам костелов... не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить»¹¹. Порой даже видные дворяне начинали требовать удаления «чужих» офицеров из русской армии.

Наиболее ярко ксенофобские мотивы прозвучали в высказывании Юрия Крижанича. Просвещенный серб предостерегал русских людей от чрезмерного влияния Запада. «Иностранному купцу никак не должно позволять иметь в России дома, лавки, склады, погреба, никак не должно пускать к себе иностранных купеческих агентов, консулов, резидентов, – утверждал он. – Наш славянский народ весь подвержен такому окаянству, везде на плечах у нас сидят немцы, жида, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают... Иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и делают из нас все, что хотят, потому и зовут нас варварами»¹². Он обвинял чужеземцев в том, что те вмешиваются «в наши войны», «впутывают в свои войны и сеют меж нами внутренние раздоры и проклятое братоубийство». Крижанича возмущало, почему немцы «под предлогом ратного дела» прибывали в Россию, где получали

¹¹ Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное» время // Гордон П. Дневник. 1659–1667. М. : Наука, 2002. С. 244–245.

¹² Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. : в 18 кн. Кн. 5. Т. 13. М. : Мысль, 1991. С. 154–155.

«непомерно большое жалование», чем наносили обиду местным жителям. Иностранцы подкупали царя и бояр, чтобы брать в аренду рудники и мастерские, чем разоряли русский народ. Особое внимание Крижанич уделял ксеномании, или чужебесию, – «бешеной любви к чужим вещам и народам, чрезмерному, бешеному доверию к чужеземцам». «Эта смертоносная чума (или поветрие), – писал он, – заразила весь наш народ... Все беды, которые мы терпим, происходят именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем». И далее автор приходил к заключению: «Ни один народ под солнцем испокон веков не был так обижен и опозорен чужеземцами, как мы, славяне, немцами. Значит ни один народ не должен так остерегаться общения с чужеземцами, как мы, славяне»¹³.

Между тем, Крижанич прекрасно понимал, что без общения с чужеземцами русские жить не могут. «Чужеземцы приносят нам четыре блага: благочестие, товары многие, наставления в науках и разные политические соглашения или договоры», – признавал он¹⁴. Учитывая достижения Запада, пользуясь ими, следует в то же время «всеми способами от себя отвращать и отметать» то зло, которое чужеземцы несут с собой, заключал автор.

Справедливости ради заметим, что ксенофобия была присуща не одним только русским. К примеру, в Англии ксенофобия, по утверждению британского ученого М. Маллита, возникла в народе еще в XIV–XV веках¹⁵. По признанию британского историка Т. Маколей, провинциальному дворянству в XVII веке были «отвратительны многие»: французы, итальянцы, шотландцы, ирландцы, евреи¹⁶. Как видно, ксенофобия, не имела национальной окраски.

Если в России в XVI–XVII веках уже существовали первые признаки проявления ксенофобии в отношениях с иностранцами, то можно ли говорить о русофобии в английском обществе в ту пору? Как вообще относились британцы, побывавшие в нашей стране, к русским? Англичане, посетившие Московское государство в XVI веке, нередко писали о характерных чертах, присущих русскому народу. На взгляд купца и мореплавателя Ричарда Ченслера, русские «по природе очень склонны к обману, сдерживают их только сильные побои». Британский путешественник А. Дженкинсон уверял, что от русских людей «мало помощи», а в малонаселенных районах ее можно получить только в городах¹⁷. Особенно резко высказывался о русских людях поэт Дж. Турбервилль. «Страна эта груба, – писал он, – люди чудовищны». Вообще многое в нашей стране не нравилось англичанину: «люди грубы, князь (царь. – Т.Л.) полон коварства», манеры людей «близки к турецким», мужчины вероломны, женщины развраще-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Mullett M. *Popular Culture and Popular Politics: Some Regional Case Studies // Britain in the First Age of Party. 1680–1750.* L., 1987. P. 134.

¹⁶ Маколей Т.Б. *Англия и Европа.* СПб. : Алетейя, 2001. С. 111.

¹⁷ Ченслер Р. *Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* М., 1938. С. 64 ; Дженкинсон А. *Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков).* М., 1991. С. 76.

ны, храмы «забиты идолами». «Никогда не видел государя, который бы так правил / Людей, столь окруженных святыми, но диких и низких / Свирепые ирландцы так же цивилизованы, как эти русские; / Трудно сказать, кто лучше из них, и те, и другие кровожадны, грубы и слепы». Короче говоря, по мнению Турбервилля, Россия – это «варварская» страна¹⁸.

Более объективный образ русского человека представил английский дипломат Дж. Флетчер. Хотя он и отмечал, что народ России «предаётся лени и пьянству», в то же время подметил такие качества простолюдинов, как способность к искусствам и природный здравый разум. Между тем, справедливо подчеркнул англичанин, народу не дают возможности развивать свои способности, в особенности в части наук, ремесел, литературы для того, чтобы «легче было удерживать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся»¹⁹.

Попытки более или менее объективно взглянуть на характер русских людей, предпринятые Флетчером, тонули в общем потоке негативных оценок его соотечественников. Так, дипломат и разведчик, много лет проживший в России Дж. Горсей полагал, что русский народ по природе своей «дик и злобен», а потому оправдано «суровое управление» и «тяжелая рука» царя Ивана Грозного, который постоянно сталкивался с заговорами и изменой, направленными против него²⁰.

Оценки англичан русских людей мало изменились в XVII веке. На взгляд посланника У. Придо, иностранцы, имевшие дело с русскими, считали их льстивыми, ловкими, но очень малодушными. Придворный врач царя Алексея Михайловича С. Коллинс также был невысокого мнения о русских людях: «Русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике, или религии. Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их как огня»²¹. Русские редко держат слово, продолжал Коллинс. Особенно резко он отзывался о богатых купцах: «Нажив себе огромное состояние разорением бедных и ограбив иностранцев, они думают, что загладят злые дела, если построят церковь и снабдят ее множеством дорогих икон и колоколами; это кажется им богоугодным делом, и, действительно, было бы таковым, если совершено во славу Божию, а не из своекорыстия или тщеславия»²². И далее автор приходил к нелицеприятному заключению: «В целом мире нет таких негодяев!» Впрочем, он признавал, что и «между ними много добрых людей», к которым он причислял тех, кто «расширил понятия свои разговором с иностранцами»²³. Завершая свой трактат, придворный лекарь расхваливал ца-

¹⁸ Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. Приложение. С. 258.

¹⁹ Флетчер Дж. О государстве русском. С. 75–76.

²⁰ Горсей Дж. Записки о России XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 90.

²¹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Иностранцы о древней Москве. С. 1.

²² Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. С. 30.

²³ Там же. С. 28.

ря Алексея Михайловича, одновременно осуждая его подданных, полагая, что они «лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки, и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах»²⁴.

В довольно резкой форме о русских людях отзывался и британский офицер Патрик Гордон. Едва поступив на государеву службу, он убедился в том, что на иноземцев в России смотрят «как на сборище наемников; что не стоит ожидать никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой... здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина; что с туземцами нет супружества; что вельможизирают на иностранцев едва ли как на христиан, а плебеи – как на сущих язычников; что нет индигената (подданного. – Т.Л.) без отречения от былой веры и принятия здешней; что люди угрюмы, алчны, скарены, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны, когда имеют власть, под властью же – смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов»²⁵.

Трудно себе представить еще худшие обвинения в адрес народа, на военную службу к которому в качестве наемника прибыл шотландец. Нам кажется, что подобное чернение русских людей было вызвано, скорее всего, неудачными попытками Гордона разбогатеть в России, на что он так надеялся, поступая на государеву службу. Однако «скудная плата в низкой медной монете», а также «подлая и подозрительная натура» отдельных бояр повергли офицера в уныние и разочарование²⁶. Вследствие этого, вероятно, у него и стали складываться столь нелицеприятные впечатления о русском народе в целом.

Итак, как мы могли убедиться, при характеристике русских людей, их нравов и обычаев англичане нередко проявляли враждебный тон²⁷. Чаще всего это происходило в силу субъективных причин, из-за неудач, постигших британцев в их предприятиях в России (как в случае с Турбервиллем и Гордоном). Но не только. Иностранцы не могли дать верного объяснения многих явлений русской жизни или объективно оценить их в силу недостаточного знания языка, истории, религии, уклада жизни и обычаев народа. И если «внешние явления», как подчеркивал В.О. Ключевский, «наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона» с наибольшей полнотой и достоверностью описывались иностранцами, то известия о нравственном состоянии общества страдали субъективностью. Беглые наблюдения отдельных, порой случайных явлений, сделанные в короткое время, не позволяли иностранцу составить верное и полное представление о многих сторонах жизни русских людей. «Оттого иностранные

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 106.

²⁶ Там же. С. 106–107.

²⁷ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Представления британцев о русском народе // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13–25.

известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества, – подчеркивал историк, – зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления»²⁸. Чаще всего подобное непонимание образа жизни русского народа, его «непохожести» на европейцев, приводило иностранцев к убеждению о «варварстве» этого самого народа.

Впервые образ «русского варварства» сформировался в Западной Европе в XVI–XVII веках, во многом благодаря сочинениям немецких писателей С. Герберштейна, А. Олеария, М. Мейерберга, И. Корба. Этот образ включал в себя стереотипные представления немцев о русском народе. Главными в этом образе были, как утверждал современный исследователь Е.В. Ермасов, характер государственного правления («русская деспотия», опасная своими агрессивными планами для Европы), православная религия, заметно отличная от католической и протестантской конфессий; необразованность русского народа, обычаи и особенности национального характера (склонность к пьянству, воровству). В целом русский народ рассматривался иностранцами как «варварский, достойный жить в рабстве»²⁹.

Представления англичан о допетровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране сделали стереотипом в этнических представлениях большинства иностранцев, побывавших у нас. Но только ли недостаточной их информированностью о России, а также субъективными причинами (краткостью визита в стране, незнанием языка и т.д.) объяснялось подобное восприятие? Ведь все, что касалось материальной культуры (градостроение, деревянное и каменное зодчество), описания климатических и природных условий, занятий населения, чаще всего носило объективный характер. Однако мимо наблюдательного взгляда англичан незаметно прошла духовная культура русского народа. Нам представляется, что это происходило далеко не случайно. По-видимому, англичанам, в ту пору активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России «варварами», а ее правителей – «азиатскими деспотами» для того, чтобы противопоставить их «цивилизованным» европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с «варварским народом» вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке (читай – колонизации) со стороны «цивилизаторов». Об этом совершенно откровенно высказался Флетчер: «Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления»³⁰. Напомним, что аналогичные «пожелания» оккупации

²⁸ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 8.

²⁹ Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половине XVIII в. // Европейское Просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. С. 27.

³⁰ Флетчер Дж. О государстве русском. С. 59.

своей страны будто бы высказывал русский народ в период Смуты, когда в Англии уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера ³¹.

Сущность отношения европейцев (и не только британцев) к России подтвердил Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе. «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи, нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии, – писал известный философ. – Они боятся нас, и для самоуспокоения внушают себе... что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к несправедливости и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов... Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры или концессии» ³².

Таким образом, растиражированный стереотип о «варварском» характере русского народа англичанами, на наш взгляд, являлся всего лишь удобным идеологическим прикрытием для колонизаторской политики британских завоевателей. Неудивительно, что данный стереотип продолжал сохраняться в общественном мнении европейцев (и не только англичан) в последующие столетия.

Как складывались представления британцев и русских друг о друге в правление Петра I? Близкое знакомство России с британской культурой началось главным образом после визита «царя Московии» в Англию в 1698 году. Посещение Англии оставило неизгладимый след в памяти юного Петра I. По возвращении на родину царь занялся реформированием патриархальной России, опираясь на западноевропейский, в первую очередь, британский опыт. Английский «след» наиболее ярко прослеживался в создании морского флота, регулярной армии, промышленных мануфактур, в делопроизводстве, церковной и образовательной реформах. Между тем были в подобных заимствованиях и отрицательные стороны, сказавшиеся прежде всего в насильственном сломе морально-этических и религиозных норм и традиций, господствовавших в ту пору в русском обществе. Проводимые под влиянием и по примеру Запада реформы Петра I насильно прививали к древу западноевропейской цивилизации совершенно иную, отличную от нее самобытную и самодостаточную русскую культуру. Естественно, что подобный процесс не мог пройти гладко и без издержек.

³¹ Лабутина Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях в период Смуты // Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи. М. : ИВИ РАН, 2008. С. 24–37.

³² Ермасов Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половине XVIII в. С. 17–18, 27.

Еще до проведения реформ в народе зрели негативные настроения по отношению к иностранцам и всему иностранному. Одной из причин восстания стрельцов, как отмечал А.М. Панченко, было желание не только перебить бояр, но и «вырубить Кукуй». Москвичи неслучайно переименовали его в «Пьяную слободу». «И было за что, – продолжал ученый. – Здесь оседало много всякого европейского отребья, потасовки и попойки стали будничным делом. На Кукуй возлагают ответственность за грубость нравов, которой отличалась компания Петра и дома, и в первом заграничном путешествии»³³. Бояре и дворяне, свидетельствовал проживавший в России английский инженер Джон Перри, роптали на то, что царь «вполне прилепился к иностранцам», ежедневно ходил в их дома и свободно допускал беседовать с собой³⁴. Еще более враждебным сделалось отношение русского народа к иностранцам после возвращения Петра I из зарубежной поездки и начала его реформ. Практически все общество встретило эти реформы «в штывы». Секретарь прусского посольства И. Фоккеродт утверждал: русские испытывали «неодолимое отвращение к тем правилам, которые при Петре I введены в государственное управление, и пламенное желание освободиться от карательного бича иноземцев и видеть восстановление у себя образа правления на прежних основаниях». Знакомство с иноземцами, продолжал он, «принесло за спиной у себя проклятие, потому что с тех пор, как они удостоились этого знакомства, пропало все их благосостояние»³⁵. Дворянство было недовольно ущемлением своих властных полномочий. Церковная реформа, сопровождавшаяся снятием колоколов с церкви для переплавки их на пушки, возбудила «сильное волнение» в среде высшего духовенства. Осуждающе воспринимало действия Петра I даже его ближайшее окружение: А. Меншиков, Д. Голицын, адмирал Ф. Апраксин, Я. Долгорукий, Б. Шереметев, С. Яворский и др. Князь Голицын говорил: «К чему нам нововведения, разве мы не можем жить так, как жилали наши отцы, без того, чтобы иностранцы являлись к нам и предписывали нам новые законы?»³⁶. В реформах Петра особенно ему не нравилась поспешность нововведений, а также стремление царя изменить нравы и обычаи старины. Князь ненавидел иноверцев и ратовал за то, чтобы русские люди в своем государстве дела вершили самостоятельно³⁷. Подобные высказывания Голицына находили сочувствие и поддержку со стороны многих из ближайшего окружения Петра I.

Упорное противодействие петровским реформам оказывал народ. Подозрительное отношение к реформаторской деятельности царя со стороны простого народа В.О. Ключевский объяснял двумя причинами: тем, что эти реформы, во-первых, довели принудительный труд народа на государство до крайней сте-

³³ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 119.

³⁴ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 97.

³⁵ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914. С. 252, 257.

³⁶ Анисов Л.М. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за московский православный престол. М.: Паломник, 2000. С. 85.

³⁷ Анисов Л.М. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за московский православный престол. С. 249.

пени напряжения и, во-вторых, являлись «непонятной ломкой вековечных обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем, народных привычек и верований»³⁸. Непрерывающийся поток иностранцев и возрастающее их влияние на царя оскорбляли национальные чувства русского народа, а сама поездка к «нехристям» послужила толчком для народной фантазии. В народе все чаще стали поговаривать о том, что «немцы царя испортили», высказывались предположения, что Петр I вообще «не наш государь, а немчин». По свидетельствам Фоккеродта, народ осуждал склонность царя к «иноземным нравам и обычаям», к хирургическим операциям (удаление зубов), выбор в жены «простой крестьянской девки из Ливонии». Построенный Петром Петербург и флот простой люд считал «мерзостью», а регулярное войско – «бесполезным и вредным»³⁹. В народе рождалось сказание о «царе-антихристе».

Нельзя сказать, чтобы Петр I оболыцался мечтами о «задушевных» отношениях Западной Европы к России. Да и к иностранцам сам он, по утверждению Ключевского, относился «с трезвым недоверием». Петр хорошо понимал, что Россию на Западе всегда ожидают «пренебрежение и недоброжелательство»⁴⁰. Однако историческая необходимость заставляла царя заимствовать у Запада всевозможные новшества и переносить их на российскую почву. «Знаю я, – заявлял Петр, – что видимое преимущество, оказываемое мною чужестранцам, не нравится моим подданным, но я... ласкаю чужестранцев для того токмо, чтобы они охотно у нас оставались и дабы от них научиться и подражать их наукам и искусству, а следовательно, для благосостояния государства и очевидной пользы моих подданных». Однако среди русских встречается еще немало «безрассудных и глупых» людей, которые предпочли бы остаться «охотно в прежнем своем невежестве». «Сие не рассуждают, – продолжал царь, – в каком состоянии было у нас все, прежде, нежели я осмотрел чужестранные земли и привлек чужестранцев в свое государство. И сколько бы мало я успел без их помощи во всех своих предприятиях»⁴¹. И все же проводить свои реформы Петру пришлось через насилие над народом и «властное принуждение». Хотя отдельные новшества, заимствованные царем у иностранцев (доступ женщин, наряду с мужчинами, в общественные увеселительные заведения – ассамблеи; запрет на венчание без согласия на брак молодых людей и др.), встречали одобрение, однако в целом реформаторская деятельность Петра, во многом осуществленная под влиянием Запада, не находила общественной поддержки.

А как сами англичане относились к русскому народу и к реформаторской деятельности Петра I? В отношениях между Англией и Россией в первой четверти XVIII века преобладали недоверие и сдержанность, чему в немалой степени способствовало прочно укоренившееся в общественном мнении Великобритании представление о России как об отсталой, «чрезвычайно странной, экзотической и неевропейской стране». Спустя несколько десятилетий после «рефор-

³⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 9 т. Т. 4. М. : Мысль, 1989. С. 207.

³⁹ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. С. 253.

⁴⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 196.

⁴¹ Петр Великий в его изречениях. М., 1991. С. 90–91.

мирования» России на западный манер, издатель журнала «The Examiner» известный писатель-сатирик Дж. Свифт выступил в 1713 году со статьей, в которой характеризовал русских как нацию «варваров и дикарей», подчиняющихся тираническому правлению, склонных к частым восстаниям и представлявших для цивилизованного мира еще большую угрозу, чем та, которую несли в свое время готы и вандалы⁴². На взгляд другого просветителя Б. Мандевилья, подданные «царя Московии» от природы глупы и «не так уж давно большинство их являлись чуть ли не дикими животными», и только усилия Петра I способны превратить Россию в цивилизованную страну⁴³.

Сталкиваясь с подобными оценками русского народа, невольно задумываешься над вопросом, а как вообще возникали этнические представления? Н.А. Ерофеев подчеркивал, что информация, их формирующая, была весьма разнообразной и содержалась в книгах, рассказах путешественников, научных трудах по географии и экономике, художественных произведениях, повседневной прессе и т.п.⁴⁴. Вероятно, что и суждения британцев о Петровской России складывались таковыми во многом из-за недостатка сведений о стране и ее народе. Как отмечал британский историк М. Андерсон, англичане, находившиеся в России, практически не знали ни русского языка, ни истории страны. Они рассматривали русский народ и его государственность как стоявшие ниже западно-европейских, особенно британских. Британцы не знали русской истории. Сам царь недоумевал, как могут иностранцы «написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали». «Я знаю, – продолжал Петр I, – что подлинные материалы древней российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю российскую историю, но по сие время все случилось в том препятствия»⁴⁵. Иностранцы практически мало что знали о средневековой культуре России, которая находилась, по признанию Андерсона, на довольно высоком уровне. Многие британцы верили в то, что в России до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания. Для большинства англичан реформы Петра были мало понятны. Они полагали, что внутренние дела народа, еще пребывавшего в состоянии «варварства», вряд ли могут быть интересными для остального мира⁴⁶.

Примечательно, что высказывания о «варварской» России в Петровские времена продолжали тиражироваться и в последующие века. Так, известный историк XIX века Т. Маколей в очерке «Петр Первый в Англии» описывал представления государственных мужей Великобритании о России. Нельзя без удивления читать свидетельства английских посольств, приведенных Маколеем: «Их

⁴² Цит. по: Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 59.

⁴³ Мандевиль Б. Опыт о пчелах. М., 1974. С. 289.

⁴⁴ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. С. 11.

⁴⁵ Петр Великий в его изречениях. С. 89.

⁴⁶ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 87–91.

авторы живо, а подчас и резко описывают дикое невежество и нищету варварской страны, где им довелось побывать. Там, пишут они, нет ни литературы, ни науки, ни школ, ни университетов. Прошло более века после изобретения книгопечатания, прежде чем в русской империи появился первый печатный станок, да и тот скоро сгорел от пожара, устроенного, как говорили, священниками. Даже в семнадцатом столетии библиотека высшего духовного лица состояла всего из нескольких рукописей в виде длинных свитков, поскольку переплетное мастерство оставалось все еще неизвестным. Самые образованные люди едва умели читать и писать»⁴⁷.

Анализируя состояние культуры России до петровских реформ, А.А. Преображенский заключал: «Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии»⁴⁸. В подтверждение сказанного можно привести слова Фоккеродта, призывавшего иностранцев для объективного суждения о русских, отбросить «все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилom своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве». На взгляд автора, следовало также знать и язык русский. Задаваясь вопросом, действительно ли прежние русские были так «дики и скотоваты», как расславляют о них, Фоккеродт утверждал: «Все это иностранные выдумки». По его мнению, многие иноземцы, бывавшие в России, судят о русских поверхностно и потому «в дурных чертах изображают их рассудок». На взгляд самого секретаря прусского посольства, у русских людей никогда не было «недостатка в понятиях о благе и зле»⁴⁹. Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о Петровской России как о «варварской» и «нецивилизованной» стране были далеки от истины.

Но только ли недостаточной информированностью британцев о России объяснялось подобное восприятие ими нашей страны? И действительно, так ли мало и плохо знали они допетровскую Россию? Первое английское сочинение о России «Открытие Московского королевства», написанное Клементом Аддамсом, появилось в Лондоне в том же 1553 году, когда состоялась экспедиция Ченслера в Московию. В 1590-е годы Дж. Горсей издал мемуары, в которых писал о своем визите в Россию. Примерно в то же время в Лондоне появилась книга известного дипломата и путешественника Дж. Флетчера «О российском государстве, или Образ правления императора, называемого императором Московии, и о нравах и обычаях сей страны». В конце XVI века вышел сборник «Главнейшие плаванья, путешествия, сношения и открытия, совершенные английской нацией», в котором содержались описания путешествий Т. Рандольфа, Э. Дженкинсона и Дж. Бауса в Россию. В XVII веке в Англии увидел свет еще ряд интересных работ о России. Приводивший данные об английских изданиях А. Мей-

⁴⁷ Маколей Т.Б. Англия и Европа. С. 132–133.

⁴⁸ История Европы. М. : Наука, 1994. Т. 4. С. 235.

⁴⁹ Россия при Петре Великом, по рукописному известию И.Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874. С. 1–4.

ендорф приходит к заключению: в Англии было больше трудов о России, чем в самой России⁵⁰. Таким образом, русофобские настроения в Англии порождались не только в силу плохого знания языка, истории или обычаев страны. В свое время известный ученый XIX века Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» писал: «Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России... Европа не знает, потому что не хочет знать»⁵¹. Перефразируя данное высказывание, можно утверждать: Англия не знала Россию потому, что не хотела ее знать. Отношение англичан к России и ее народу нередко страдало необъективностью и во многом зависело от той внешней политики, которую Петр I проводил в то время.

Поначалу и сам «царь Московии», и его деятельность встречали одобрение со стороны правящей элиты Англии. Известный писатель и журналист Д. Дефо в журнале «The Consolidator» сообщал о том, что Петр I перенимал многое из английской практики, особенно в военном искусстве и торговле, для своего «невежественного народа». Он преобразовал армию, создал новый флот, открыл посольства в разных частях мира. «И теперь мы видим, – продолжал Дефо, – как его армия осаждают укрепленные города, а инженеры строят батареи, из которых летят снаряды, как это делается и в других странах. Прежде ничего этого не было... и потому поля сражений русские устилали телами своих погибших солдат... Мы видим, что их суда полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами и путешествуют по Балтике. Новый город Петербург, построенный царем, начинает походить на наш Портсмут... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы»⁵².

Не менее восторженно о реформаторской деятельности Петра отзывались и другие просветители Англии. К примеру, известный журналист Ричард Стиль в журнале «The Spectator» утверждал, что в современном мире существуют только два великих монарха: французский король Людовик XIV и царь России Петр I. На его взгляд, Петра I «за его знания, достоинства и личный вклад» следует отнести к «великим правителям» и «справедливо поставить в один ряд с античными героями»⁵³. По мнению Мандевиля, более всего заслуживала похвалы деятельность Петра I, направленная на повышение грамотности населения России. Высоко оценил деятельность Петра Джон Перри, которому довелось воочию наблюдать русского царя и на судостроительных верфях, и за токарным станком. Он обращал внимание на то, что Петр не жалел усилий в деле подготовки квалифицированных кадров из своих подданных. Царь сам служил примером для подражания, поскольку одновременно являлся инженером, пушкарем, «делателем потешных огней», кораблестроителем, токарем, боцманом, оружейником, мастером, кузнецом и т.д. Не удержался от похвальных речей в адрес

⁵⁰ Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сборник статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925. С. 307.

⁵¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 6-е изд. СПб., 1995. С. 40.

⁵² Britain and Russia in the Age of Peter The Great. Historical Documents. L., 1998. P. 55.

⁵³ Britain and Russia in the Age of Peter The Great. Historical Documents. P. 111.

«царя Московии» и британский посланник Ч. Уитворт. В одном из своих писем к госсекретарю Р. Харли 14 марта 1705 года он отмечал: «Мощью собственного гения, почти без сторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания, и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей»⁵⁴.

Между тем восторженный тон официальных лиц и прессы Великобритании по адресу Петра I и его реформаторской деятельности начинает резко меняться после захвата Ревеля, Полтавской битвы и успехов российского флота на Балтийском море. Напомним, что в ту пору в Европе происходило два крупных военных конфликта: Северная война (1700–1721 гг.) и война за испанское наследство (1702–1713 гг.). В первой активно участвовала Россия, во второй – Великобритания. А поскольку Швеция рассматривалась англичанами в качестве союзника, то ее ослабление в войне с Россией вызывало резкое недовольство правительства Великобритании. Территориальные завоевания Петра I, отмечал Андерсон, способствовали усилению антирусских настроений в Англии⁵⁵. Одним из свидетельств подобных настроений мог служить инцидент, который произошел с послом России в Англии А. Матвеевым. Трое неизвестных 21 июня 1708 года в Лондоне напали на посла, жестоко его избили, изорвали на нем платье и бросили в долговую тюрьму. Госсекретарь Бойль расценил подобные действия нападавших как «дерзкое оскорбление» посла и призвал английского посланника в России Уитворта «не жалеть ни усилий, ни расходов», чтобы погасить возникший скандал. Хотя королева Анна и направила Петру I письмо с официальными извинениями, однако сам факт подобной провокации свидетельствовал о возникновении антирусских настроений в Великобритании.

Англичане начали опасаться Россию не только из-за побед, одержанных на суше, но и в связи с усилением ее могущества на море, отмечал М. Андерсон. При этом он ссылаясь на автора памфлета «Северный кризис», который в 1714 году писал: «Петр I стал нашим соперником и для нас опасно не замечать этого»⁵⁶. Британский посланник лорд Страффорд в беседе с князем Куракиным утверждал, что Англия желала бы видеть «все державы на Севере в прежнем состоянии». Возглавлявший английскую эскадру на Балтийском море адмирал Норрис получил приказ овладеть русскими кораблями, самим русским царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока русское войско не покинет Данию и Германию⁵⁷.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1716–1717 годах, еще более упрочились в последующие годы. Победы российского флота, который создавался во многом благодаря усилиям английских мастеров, заставляли Великобританию усматривать в России опасного конкурента. В послании госсекретарю лорду Стенхоупу 15 мая 1719 года новый посланник в России Джеффрис высказывал беспокойство по поводу тех соотечественников, которые помогали русским строить флот. «Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем,

⁵⁴ Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 39. С. 60–61.

⁵⁵ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. P. 65, 59.

⁵⁶ Ibid. P. 70.

⁵⁷ Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // Русская старина. СПб., 1893. Т. 80. С. 8.

чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена, – писал он. – Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно»⁵⁸. В другом своем послании Джеффрис настоятельно рекомендовал госсекретарю отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, «оставаясь здесь [в России], они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них»⁵⁹.

Впрочем, не только военно-морские победы русских раздражали англичан. В развитии промышленного потенциала в России они также усматривали опасную конкуренцию для собственной промышленности и торговли. В апреле 1718 года «московит Третьяков» был отправлен на обучение в королевский литейный цех в Вуличе, однако англичане отказались его принять, мотивируя это тем, что они «сами только начали осваивать это дело» и что у мастера предостаточно собственных учеников, да и своя работа не ждет. Англичане воспротивились также устройству в России собственного табачного производства. Члены Тайного совета высказывали опасения, что подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с британцами, а это приведет к «крайне вредным последствиям» для английской торговли. Чтобы не допустить распространения табачного производства в России, королевские советники требовали все машины и материалы, завезенные в страну, «сломать и уничтожить». Отказали англичане и в просьбе Петра I направить в район Астрахани несколько мастеров, «искусных в виноделии и разведении виноградников»⁶⁰. Да и вообще, как отмечал Ключевский, иноземные мастера, обучавшие русских, «делали это неохотно и небрежно», а прожив определенный срок в России, уезжали, оставляя учеников «без совершенства их науки». Все это возбуждало подозрение, продолжал историк, «не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине»⁶¹. Бесспорно, подобное отношение к успехам русского народа приводило к зарождению в Англии русофобии, прежде всего в среде правящей элиты.

Антирусские настроения в общественном мнении Великобритании, как признавал британский ученый Д. Хорн, подогревались искусственно⁶². Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России. Русского царя они начали изображать как «автократата с неограниченными амбициями», а существующую систему правления в России как «жестокую деспотию», от которой будто бы исходит серьезная угроза... для свобод англичан. Особенно усердствовал в нагнетании антирусских настроений Д. Дефо. В своем журнале «A Review» журналист опубликовал две пространные статьи, в которых резко критиковал Петра I и его методы правления.

⁵⁸ Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 536.

⁵⁹ Там же. С. 564–565.

⁶⁰ Там же. Т. 39. С. 104 ; Britain and Russia in the Age of Peter the Great. P. 194 ; Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 63.

⁶¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 102.

⁶² Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 205.

Так, он осуждал российского царя за то, что тот «не заботится о естественных правах своих подданных и прежде всего их праве на свободу». Полемизируя со Стилем, который считал Петра I великим монархом, Дефо, напротив, полагал, что царь, который тиранит свой народ, не может обладать «духом истинного величия», тиран не может быть героем. «Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, и вы узнаете, как самовластно царь распоряжается душой и телом своих подданных», – утверждал журналист⁶³.

Между тем по мере нарастания военной мощи России и ее присутствия на европейском театре военных действий во время Северной войны антирусские настроения в Англии продолжали нагнетаться. Новая статья Дефо в его журнале от 2 апреля 1713 года вызвала настоящий дипломатический скандал. Дефо осуждал «варварство московитян», которые продавали пленных шведов магометанам. Самого Петра журналист назвал «королем-мясником» и призвал европейских монархов не общаться с правителем, который подобен чудовищу – «свирепому сибирскому медведю»⁶⁴. Естественно, что написанная в столь оскорбительных для российского царя выражениях статья не могла остаться им незамеченной. Английскому послу была вручена нота протеста. Королева Анна обещала примерно наказать обидчика, но слова своего она так и не сдержала: Дефо за свою дерзкую статью не понес никакого наказания.

Как развивались в последующем отношения двух стран и народов? Если говорить об антирусских настроениях, зародившихся в последние годы жизни Петра I, то они привели к возникновению в Великобритании русофобии, прочно укоренившейся в общественном мнении на протяжении последующих веков. Проблема русофобии в Англии в свое время поднималась Н.А. Ерофеевым и В.Г. Трухановским. Хотя оба историка анализировали русофобию в Великобритании в XIX веке, они также затронули истоки происхождения этого явления, связывая его начало с правлением Петра I. О зарождении русофобии в Англии в первой четверти XVIII века писал также британский ученый Г. Хорн⁶⁵. Негативное отношение к иностранцам продолжало сохраняться и в российском обществе. Так, в 1725 году многие простые люди отказывались присягать «императрице-иноземке» Екатерине I, которая будто бы «напустила порчу» на своего супруга. Нередко случались нападения на иностранцев. Так была раскрыта шайка, насчитывавшая 9 тысяч человек, во главе с отставным полковником, которая намеревалась сжечь адмиралтейство и перебить всех иноземцев⁶⁶. Суд над участниками заговора был короткий: 36 зачинщиков были посажены на кол и повешены за ребро.

В 1725–1727 годах Великобритания и Россия находились, по определению М. Андерсона, в состоянии «холодной войны», которая в любой момент грозила

⁶³ Britain and Russia in the Age of Peter the Great. P. 111–112.

⁶⁴ Ibid. P. 125.

⁶⁵ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. М., 1992. С. 222; Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. P. 109, 205.

⁶⁶ Анисов Л.М. Восшествие на престол. С. 176–177.

перерасти в открытое столкновение⁶⁷. В мае 1726 года британская эскадра из 20 кораблей заблокировала российский флот у Ревеля. В ответ на подобные действия англичан императрица Екатерина I написала гневное письмо королю Великобритании Георгу I Ганноверскому. «Министры вашего королевского величества никогда не имели прямого намерения к заключению союза между Россией и Англией, и отправление эскадры есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжение многих лет постоянно, везде и явно против нас показывают», – писала императрица⁶⁸. Нельзя не признать, что в обвинениях императрицы действительно доля истины была. По утверждению Андерсона, памфлетисты, состоявшие на службе у министров, стремились представить Россию в глазах общественного мнения Великобритании как опасную и агрессивную державу, экспансия которой будто бы угрожала англичанам⁶⁹.

Заметный перелом к лучшему в российско-британских отношениях наметился лишь в 1731–1732 годах после прихода к власти новых монархов: в России – императрицы Анны Иоановны, в Великобритании – короля Георга II Ганновера. Глубоко укоренившееся (в особенности при Екатерине II) западное влияние во многих сферах культурной жизни российского общества способствовало исчезновению такого столь распространенного в Петровские времена явления, как ксенофобия. Теперь иностранцы, как свидетельствовал французский посланник Л. Сегюр, «принимаются в России с самым внимательным гостеприимством»⁷⁰. Более того, преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты. Дело порой доходило до того, что великосветское общество начинало презирать все русское. Пропитавшись западной культурой и провозгласив себя европейским государством, Россия в глазах европейцев таковым отнюдь не стала. Запад по-прежнему продолжал видеть в ней «варварскую страну». М. Андерсон отмечал, что, хотя англичане относились к Екатерининской России с уважением, восхищением, а порой и с опаской, чего не бывало при Петре I, однако они по-прежнему были далеки от мысли рассматривать русский народ как цивилизованный и никакие, даже самые блестящие достижения царицы не могли переменить их мнения о том, что Россия являлась действительно европейской державой⁷¹.

Таким образом, подводя итоги, можно заключить следующее. Говоря о зарождении ксенофобии в российско-британских отношениях, следует отметить, что она была обусловлена социально-экономическими и политическими условиями в России, необходимостью широкого привлечения иностранных специалистов в нашу страну. Усиление ксенофобии наблюдалось в правление Петра I,

⁶⁷ Anderson M.S. *Britain's Discovery of Russia. 1553–1815*. P. 108.

⁶⁸ Цит. по: Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. М.: Мысль, 1964. Кн. 10. С. 23–25.

⁶⁹ Anderson M.S. *Britain's Discovery of Russia. 1553–1815*. P. 109.

⁷⁰ Сегюр Л.Ф. *Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 412.

⁷¹ Anderson M.S. *Britain's Discovery of Russia. 1553–1815*. P. 102, 105, 142.

что было вызвано проведением реформ, во многом инициированных Западом. Но если в России ксенофобия возникла как естественный протест народа против чужеземного влияния и чрезмерного засилья «немцев» в высших властных структурах общества, то в Великобритании русофобия, напротив, моделировалась искусственно и дирижировалась политической элитой, создававшей из России образ врага с единственной целью – добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке [Текст]. – Л. : Соцэкгиз, 1938. – 308 с.
2. Анисов, Л.М. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за московский православный престол [Текст]. – М. : Паломник, 2000. – 462 с.
3. Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание [Текст]. – Л. : Наука, 1982. – 159 с.
4. Гордон, П. Дневник [Текст]. 1659–1667. – М. : Наука, 2002. – 314 с.
5. Горсей, Дж. Записки о России XVI – начала XVII в. [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 287 с.
6. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа [Текст]. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 6-е изд. – 513 с.
7. Ермасов, Е.В. Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI – первой половине XVIII в. [Текст] // Европейское Просвещение и цивилизация России. – М. : Наука, 2004. – С. 16–30.
8. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853 гг. [Текст]. – М. : Наука, 1982. – 320 с.
9. Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков) [Текст]. – М. : Столица, 1991. – 427 с.
10. История Европы [Текст]. – М. : Наука, 1994. – Т. 4. – 508 с.
11. Ключевский, В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве [Текст]. – М., 1991. – 334 с.
12. Ключевский, В.О. Курс русской истории [Текст] // Соч. : в 9 т. – М., : Мысль, 1989. – Т. 4. – 398 с.
13. Лабутина, Т.Л. «Курьезный эпизод» в англо-русских отношениях в период Смуты [Текст] // Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи. – М. : Изд-во ИВИ РАН, 2008. – С. 24–37.
14. Лабутина, Т.Л. Представления британцев о русском народе [Текст] // Вопросы истории. – М., 2009. – № 8. – С. 13–25.
15. Маколей, Т.Б. Англия и Европа [Текст]. – СПб. : Алтейя, 2001. – 502 с.
16. МанDEVиль, Б. Опыт о пчелах [Текст]. – М. : Мысль, 1974. – 376 с.
17. Оболенская, С.В. Германия и немцы глазами русских (век) [Текст]. – М. : Изд-во ИВИ РАН, 2000. – 209 с.
18. Одиссей [Текст]. – М. : Наука, 1993. – 330 с.
19. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ [Текст]. – Л. : Наука, 1984. – 205 с.
20. Пери, Дж. Состояние России при нынешнем царе [Текст]. – М. : Изд-во МГУ, 1871. – 193 с.

21. Платонов, С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках [Текст]. – Л. : Сеятель, 1925. – 150 с.
22. Россия XVIII в. глазами иностранцев [Текст]. – Л. : Лениздат, 1989. – 542 с.
23. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век [Текст]. – М. : За- друга, 1914.
24. Сборник Императорского русского исторического общества [Текст]. – СПб. : 1884. (Тип. Императорской академии наук). – Т. 39. – 496 с.
25. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времен [Текст] // Соч. : в 18 кн. – М. : Мысль, 1991. – Кн. 5. – Т. 13–14. – 701 с.
26. Флетчер, Дж. О государстве Русском [Текст]. – М., 2002.
27. Цветаев, Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. – М., 1890. (Тип. ун-та). – 782 с.
28. Чугров, С.В. Россия и Запад: Метаморфозы взаимовосприятия [Текст]. – М. : Наука, 1993. – 142 с.
29. Anderson, M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815 [Text]. – L., 1958.
30. Britain and Russia in the Age of Peter The Great. Historical Documents [Text]. – L. : School of Slavonic and East European Studies, 1998. – 276 с.
31. Horn, D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century [Text]. – Oxford : Cla- rendon Press, 1967. – 411 с.

T.L. Labutina

**FRIENDS AND FOES IN IMAGINOLOGY:
XENOPHOBIA IN ANGLO-RUSSIAN RELATIONS
IN THE 16th-18th CENTURIES**

The article deals with the problem of xenophobia in the Anglo-Russian relations dating back to the reign of Ivan the Terrible, who established diplomatic and economic ties between Britain and Russia. Russian xenophobia had natural sources being triggered off by the «westernization» of the political elite. While English xenophobia was roused artificially, being a part of British foreign policy.

England, Anglo-Russian relations in the 16th-18th centuries, westernization, xenophobia, socie- ty, authority, Russia.